

Сибирская ЛитерА — 3 сезона сибирской поэзии в 24 томах

Под громоздкой «шапкой» этих заметок скрываются действительно немаленькие и неглупые головы участников и инициаторов, без всякого преувеличения уникальной издательско-артистической инициативы, осуществляемой в Кемерове, в рамках крупномасштабного арт-проекта «ЛитерА, Советский 40» — адрес сибирской поэзии». Авторские книжки, антологии, коллективные сборники, книжные серии — привычные артефакты текущего литературного процесса в гордых метрополиях, в провинциях матёрых, зарубежных анклавах — да повсюду, где неугомонное русское слово ищет и находит равнодушного слушателя и читателя. Чем же «ЛитерА» уникальна? Судите сами: 24 поэта из семи сибирских городов: Кемерова, Новокузнецка, Томска, Омска, Барнаула, Красноярска и Новосибирска весь 2019 год издадут и представляют новые книги в столице Кузбасса. Стало быть, Кемерово в этом году стал одним из главных адресов сибирской поэзии. О том, что каждая презентация книги превращается в двухчасовой спектакль с импровизациями художников и музыкантов, интерактивным диалогом поэта и чуткой, эмоциональной аудитории уже писали многие журналисты и блогеры. Не факт, что цвет пятницы, музыкальная тональность пятницы, цветочки и ленточки в колористическом единстве с обложкой книги принципиально важны, но создают ведь некое настроение и, опять же, публике нравится. Вот о публике и поговорим для начала.

Публика

Поэтический вечер в провинции, за редкими исключениями, выглядит удручающе одинаково. Один или несколько поэтов читают для десяти-пятнадцати поэтов же, ну и нескольких сочувствующих им непозетов или не вполне (втайне) поэтов. А тут пятьдесят, как минимум, гостей, каждый из которых заранее подтвердил по интернету свое присутствие. И в большинстве своем люди-то не из литературной тусовки. Организаторы пятниц исхитрились привлечь их, мобилизовать, заманить, прельстить — да какая разница как, но заинтересовать событием. Браво, «ЛитерА»! Вдобавок каждый гость арт-клуба «ЛитерА, Советский 40» получает в подарок новую книгу с автографом пятничного пиита и клубные карты.

Остается добавить: пресыщенных, равнодушно зевающих и исподтишка отпускающих колкие замечания людей здесь нет. Правда, вторая часть вечера, когда поэт читает стихи своих любимых авторов, оставляет неожиданное послевкусие: с классиками русской, советской и мировой поэзии прекрасная кемеровская публика практически не знакома. Но это не в упрек — с каждой новой встречей поэтический багаж аудитории становится заметно весомей. Неофиты превращаются в знатоков и ценителей поэзии.

Законы художественности поэтического текста

Признаюсь, что эта часть моих заметок (упаси бог, не рецензии и не критического обзора) представляется самой противоречивой и двойственной. С одной стороны, всегда знал и знаю: текст и его качество определяется на слух — откликается или не откликается душа. Но, ежели случилось мне говорить о стихах сибиряков, земляков моих, волей-неволей надо подвести под это дело некую теоретическую базу. Екатерина Гилева, поэт, участник проекта «ЛитерА, Советский 40», она же — профессиональный филолог, кандидат наук и просто умный человек, дала такую возможность. Её теоретические разработки стали тем инструментарием, с помощью которого я рассматривал тексты участников проекта, оценивая, собственно, художественность и состоятельность стихотворений каждого автора. Итак.

Закон целостности. Красив тот текст, в котором нельзя без ущерба смыслу переставить местами какие-либо части. Каждая его часть уже располагается «на своем месте». Красив тот текст, который содержит оптимальный набор фактов, тезисов, слов. Ни убавить, ни прибавить. На месте каждого слова внутри текста может быть только данное слово и никакое иное...

Закон условности. Парадокс: искусство — это искусство выдумывать, чтобы говорить правду. Важно наличие в произведении художественного вымысла. Имитация реальности или поучение нередко присущи литературному произведению, однако их наличие не является достаточным критерием его качества. На фактах реальности, вошедших в состав художественного произведения, неизбежно лежит налёт художественного вымысла.

Закон адресованности. Ни один текст не пишется «для себя». Все тексты, которые зафиксированы письменно (то есть для кого-то сохранены), подразумевают существование читателя. Одним из читателей может быть и сам автор в будущем. Качественный текст должен быть в какой-то степени понятен всем потенциальным читателям. Художественное произведение существует не столько для передачи читателю какого-либо сообщения, сколько для пробуждения его собственной мысли (по А. А. Потебне).

Закон индивидуации. Качественное произведение должно быть оригинальным. Его автор непременно изобретает нечто новое, невиданное ранее. Он делает то, что никто не делал до него. В глазах читателя текст должен обладать смысловой ценностью, новизной. При чтении такого текста у читателя, как правило, возникает ощущение состоявшегося открытия.

Закон генерализации. Качественное произведение должно содержать типичное, общеизвестное. Распространенным способом включения типичного в художественное произведение является использование мифологической образности или архетипов.

Простите за простоту речи, я не филолог и не литературовед, но, положив руку на сердце, мне показалось, стихи, представленные в книжной серии проекта, вполне себе художественны. Как любит повторять автор проекта Наталья Ибрагимова, в стихах главенствует Образ, именно художественный образ — краеугольный камень стиха. Ничего-то мне не говорит имя Генриха Ужегова, но уже одно то, что он краснодарский пиит, стало быть — таманский, подкупает как-то, и созвучно его высказывание об Образе моим представлениям:

«Художественный образ является формой отражения жизни и представляет обобщенную картину мира.

<...>

Образ — самый существенный элемент поэзии, быть может, единственный, которому ничего не угрожает — ни время, ни поэтическая мода. Меняются течения и направления, темы и сюжеты, мотивы и настроения, меняются условности, но образ остается всегда, в непосредственной ли форме, в метафоре ли, в сравнении. Образ — кровь поэзии, как говорил Ян Парандовский. Образ, созданный настоящим мастером, должен быть откровением, выраженным свежими словами. Он должен выявлять то, что ничей глаз до сих пор не замечал, должен содержать как можно больше ярких красок, быть полным и богатым, но ограниченным минимальным количеством слов. Слово — единственный материал поэтического образа, и от его силы, меткости и выразительности зависит картина, нарисованная поэтом. Как камень, брошенный в воду, поэтический образ должен расширять круг наших мыслей, охватывая всё большую сферу ассоциаций. Труд художника — нравственный подвиг, поскольку он осуществляет материализацию высших идей и конкретизацию абстрактных понятий.

Мысль бесконечна, а произведение искусства имеет границы в пространстве и во времени. Прообразы всех вещей могут восприниматься вне чувственного восприятия человеком, но они мыслятся, представляются. Именно эти нематериальные сущности являются прообразами материальных предметов. Они обладают гармонией и создают в нашем представлении понятие красоты. Человек, пытаясь осознать действительность и понять своё место в мире, также вынужден мыслить в образах.

<...>

Поэтический образ есть одна из важнейших черт, отличающих стихотворное произведение от прозаического...»

В итоге, принимая всё вышесказанное к сведению, возвращаюсь к своему примитивному способу восприятия — на слух.

Города Сибири

Омск

На мой взгляд, в Омске в первой трети XXI века два имени определяют масштаб и рельеф поэтического пространства города: Дмитрий Румянцев и Вероника Шелленберг. Румянцев — суперрафинированный, наделённый изошрённой логикой и равно виртуознейшей алогичностью, такой версификационной избыточностью и культурной нагруженностью, что иногда просто устаёшь идти за ним по саду расходящихся тропок. А иной раз стихи Румянцева — это подъём на перевал по немыслимой крутизне и спуск по серпантину:

***Роса на розе — всех ветров. Осенняя регата. Парус.
Плывёт опара облаков, и окунь пойман на опарыш,
закинут в гулкое ведро. И оттого — светло и гордо.
За город на аэродром садится лайнер. Звёздно. Вёдро.
Горят над плесом светляки и дарят небо «за спасибо»,
плывут, качаясь, поплавки — судьбу минуя, ходит рыба.
Рабочий пригород. Вокзал. Крик электрички сатанеет.
А сердце наблюдает за рыбачьим промыслом Андрея.
...И только бабочка одна стучит о габарит недобро.
Как только твердь червей полна, так — ветерок идёт по водам...***

Столь пространно цитирую Румянцева, чтобы понятнее было его корневое отличие от Шелленберг. И сходство, как ни странно. Оба они местные разве что по прописке. Поместные. А во владении — весь мир. Оба — поэты трагические. Но Румянцев путешественник по всем временам истории, теологии, философии и литературы, а Шелленберг здесь и сейчас — витийствует, камлает в каком-то почти языческом исступлении:

**Трое в робах,
трое суровых, плечистых,
обычных таких работяг
обычное начали дело:
отбивать жеребят от кобыл,
но — кобылам не объяснишь!**

**Трое в робах — голицы за пазухой —
взяли хлысты, хворостины...
Обычное дело!
Врубились в табун...**

Прочитанное стихотворение — безусловно, баллада. Жанр, который литературоведы на протяжении многих лет упорно, но безуспешно хоронили. А баллада — жива-живехонька. И теперь вот к «Вересковому мёду» Стивенсона, «Лесному царю» Жуковского, «Толчёному стеклу» Одоевцевой, «Зодчим» Кедрина добавилась яркая, экспрессивная, пронзительно болевая баллада «Трое в робах» Вероники Шелленберг.

А теперь о стихах ещё одной омички, участника проекта — Карины Кислицыной. Это беспримесная лирика. Домашняя, интимная, тёплая и — не в упрёк автору — повторяющаяся. А, может быть, вечная.

**Дышать тобой и чувствовать тепло.
Дрожат ресницы, сладко пахнет воздух,
И мне с тобой в рассветный час светло,
Светло и звёздно.**

Ещё раз хочется оговориться, что не пишу рецензию на стихи, жанр «заметок» позволяет что-то замечать, а чего-то не касаться вовсе.

Третий омский стихотворец, принявший участие в проекте — Андрей Ключанский.

Лодочки, тропинки, паутинки, коленки, полиэтиленки...

Это милые, трогательные, искренние, а обилие уменьшительных суффиксов и общая ностальгическая тональность делает их наивно-инфантильными что ли... Может быть, я ошибаюсь. Во всяком случае, истовых поклонников у таких стихов великое множество.

**Нежен день.
Безгре... нездешен
божий ветер-тиховей,
никуда себя не денешь
от него и тополей
серебристых, и черешен
в теплой коже своей
в тонкой полиэтиленке
в людном парке меж людей.**

Омск — большой, красивый, мультикультурный город, претендующий на звание культурной столицы Сибири. Остаётся пожелать сему славному граду «больше поэтов, хороших и разных».

Томск

Некогда была прямо-таки повальная мода уподоблять сибирские города и культурные объекты высоким всемирно известным именам. Например, Новосибирск — это Нью-Чикаго, театр «Красный факел» — сибирский МХАТ, а Томск соответственно — сибирские Афины. Могу уверенно сказать, что нынешние тесные, загазованные, нищающие, населённые людьми в большинстве своём помешанными на деньгах, комфорте и чревоугодии Афины — это какие-то задворки Европы, а Томск — студенческий, молодой, дерзкий — один из самых просторных и прекрасных городов Сибири. И поэзия в Томске в большом фаворе.

Молодые поэты Андрей Янкус, Ксения Телятникова, Дмитрий Витрук — это, понятное дело, те имена, какие я знаю — собирают полные залы ещё более молодых поэтоманов. Но в своих непутёвых заметках скажу вкратце о поэтах — участниках проекта.

Елена Клименко — поэт самодостаточный, яркий, знающий, что сказать и как сказать. Версификация в её стихах находится в строгом балансе с темами и смыслами, ни в одной строке нет вульгарной претензии на тотальное всезнание, нет самолюбования и менторской позы — стихи строго и очень тонко отрефлексированы. И ещё одно, может быть, из главных достоинств Елены Клименко — она замечательный рассказчик и прекрасный собеседник:

***Хочешь и чушь порешь.
Смотришь на мир сквозь прорезь.
Утро: на завтрак поридж
(овсяная каша то есть).
Вечер в укор прочим
машинною строчкой упрочен.***

***Утро. На завтрак почта:
так прихотлив почерк,
и хороши точки...***

Чудесная звукопись, не ради виртуозного жонглирования созвучиями — у Елены Клименко замечательный поэтический слух, и это свойство отчётливо выделяет её — отделяет — в мире полуглухих сочинителей и нередко совсем уж глухих читателей (почитателей):

***И декорации дворцов,
И бороды святых отцов
Сулят отсутствие спасенья.
По капле каменного неба,
По крошке нищенского хлеба
Теряет силу воскресенье.***

Ольга Комарова — ещё один автор проекта «ЛитерА». Её стихи умны, афористичны, узнаваемы и самодостаточны. В этом убеждаешься по прочтении одного лишь стихотворения. Мне кажется (не кажется, а так оно и есть), без поэзии Ольги Комаровой просто невозможно представить себе Томск поэтический. Стихотворение «Слово» — островосвременное и рудиментарное одновременно — шедевр, по моему мнению, хотя оно и не нуждается в каких бы то ни было оценках:

**Когда впервые на язык его берёшь,
то Слово — словно острый нож,
воронку горла с ропотом проходит
и там, заслышав тёмный их скулёж,
слепых кутячьих слов недорождённых,
что в материнской матерной среде
барахтаются, и везде
клочки идиоматики народной,
пластичность букв,
пластинчатость слогов,
ходы тугие родовых путей....
О, Слово выхрипнет: «Роди меня скорей!»**

Катерина Сердюк — поэт во втором поколении. Отец и дядя кроме журналистики занимались также стихосложением. Первый поэтический сборник Катерины Сердюк вышел в свет без малого десять лет назад и сразу же принёс ей широкую популярность в студенческой (и не только) среде Томска. Книжка поэтессы в проекте «ЛитерА» наглядно показывает твёрдый уверенный стихотворческий почерк состоявшегося поэта — при том, что стихи её остаются юношески свежими, искренними и дерзкими:

**и вот уже позади то время,
когда бросаешь на произвол
себя в тень города/город тени
то в волны горя, то в горы волн,
и в монохrome себя рисуешь
в осколках прошлого ноября,
и сам себя поминаешь [всуе],
и понимаешь, что правда — [зря].**

**а с неба падает снег пушистый,
с людей и улиц смывая грязь.
теперь ты новый/волшебный/чистый,
и жизнь, похоже, что удалась.**

В осеннем сезоне «ЛитерА» новую книгу представит Владимир Пшеничный, поэт, по моему разумению, главенствующий в современном Томске, но это уже совсем другая история.

Красноярск

Красноярск для меня — город Сурикова. Был с тех самых пор, как прочёл книгу Натальи Кончаловской (внучки Василия Ивановича), и пребудет всегда. Город двух великих современных художников — Андрея Поздеева (увы, ушедшего из жизни), по духу, по красоте и изяществу линий, по колориту — природного брата Анри Матисса и Николая Рыбакова, картины которого звучат, как фуги Баха, — такие они мощные, густые, многослойные. А вот с красноярскими поэтами сложнее. В «ЛитерА, Советский 40» современный поэтический Красноярск дерзко и без малейшего намёка на докучную политкорректность представляет Ольга Левская. Своё понимание поэтического текста она формулирует так: «Хороший поэтический текст не оставляет шанса на продолжение мысли, он создает ощущение "всё сказано" и впаивается в мозг как универсальная формула. Иногда он меняет сознание, после него не остаёшься прежним. В общем, он меняет, как любое хорошее произведение искусства. И ещё он продвигает язык, не даёт языку мертветь, наливает язык жизнью и плотью». Левская — ярко выраженный перфекционист, поистине гамлетовский вопрос — поэт или не поэт — постоянно мучает её и требует ответа.

***А по белу грязну свету
Ходит шкурка от поэта.
Изошёл на свет поэт,
И теперь поэта нет.***

И Ольга Левская отвечает на этот вопрос, хотя не факт, что через год или даже через час вопрос вновь не потребует ответа.

***Существует тень поэта,
Все простят его за это,
Всем почти и незаметно.
Лишь крутой таксидермист
Распознает, что начинка —
Света божия личинка
Убежала, половинку
Перекинув в створки книг,
И поэта оболочка
Снова ищет в междустрочках
Запятых, пробелах, точках —
Вдруг опять наступит миг,
Вдруг от искры, вдруг из праха,
Из подмышки или паха
Птица-феникс, злая птаха
И вспорхнёт, и воспоёт,
И развеется химера.
И пока такая вера
существует в шкурке серой —***

Жив поэт. Поэт живёт.

Татьяна Долгополова. Вторая представительница Красноярска в проекте «ЛитерА». Позволю себе ничего не писать о её текстах, не приводить никаких про и контра, кроме разве что мнения одного из известных литературных критиков, пожелавшего остаться неназванным: «В стихах Долгополовой нет лирического героя, взамен него выступает этакий жутковатый трикстер, этим-то персонажем сама поэтесса, по всей видимости, себя и ощущает...» Справедливости ради обнародую один текст Татьяны Долгополовой, весьма популярный в красноярской околосредствительной тусовке — в народе, проще говоря.

**Морозы жарят в полной мере.
Замёрзло всё, ты погляди:
все фонари заиндевели
и даже Пушкин с Натали.**

**Какой огонь в холодном теле?
Но всё же, что ни говори,
вот так друг друга не хотели,
ей-Богу, Пушкин с Натали.**

**А что которую неделю
сидим с тобою на мели —
так вся страна на самом деле.
И даже Пушкин с Натали...**

В Красноярске интересно и многообещающе пишут Оксана Горошкина, Сергей Цветков, Иван Клиновой (ну, Иван-то уже сложившийся мастер), Екатерина Малиновская и Владимир Полухин. Стихотворение Полухина, даже мне понравившееся, приведу целиком:

**У Леши была дудочка
И шарф длиннее жизни
У Леши была трубочка
Пакет травы и гризли
Наколотый на бледном
И худеньком плече.
А мама не ругалась
Вздыхала. Он вообще
Был у нее единственным
Был солнышком в окне
А он в прикиде джинсовом
На дудке при луне
Играл на плоской крыше
Пуская трели ввысь
И мама еле слышно
Молилась — Не сорвись!**

**Блестит росой улочка
Песочницы раскисли
У Леши была дудочка
И шарф длиннее жизни.**

Новокузнецк

«Никогда я не был на Босфоре / Ты меня не спрашивай о нём». Никогда я не был в знаменитом рабочем Новокузнецке, но поэтов тамошних знаю хорошо. С одним даже знаком лично, потому как новокузнецчанин Владимир Угрюмов переехал жить в Новосибирск, и, уже будучи новосибирцем, стал участником проекта «ЛитерА». Будете смеяться, но первое, что произвело неизгладимое впечатление от знакомства, так это фамилия поэта — Угрюмов — везёт же некоторым, подумал я. О стихах его, вкратце: традиционная, крепкая и в то же время свежая, живая просодия. Узнаваемая буквально с первых двух-трёх строк интонация, редкостная пластическая свобода... Читая стихи Угрюмова, понимаешь: силлаботоника — неисчерпаема. Более того, постмодернизм и все прочие «измы» счастливо обошли его стороной.

**...Я подумаю — думать не сложно —
О несметном копясь в душе,
О возвышенном пустопорожнем,
Невозможном, возможно, уже.**

**Нестерпимом, родном, вековечном...
Думать буду о птицах и псах,
Обо всём, что припомню за вечер, —
И сожгу, словно сор, в небесах.**

Позволю себе процитировать фрагмент из статьи Павла Сазыкина, опубликованной сравнительно недавно в газете «Кузнецкий рабочий», который полностью соответствует моим представлениям о поэзии Владимира Угрюмова:

«Можно безошибочно утверждать, что всё поэтическое творчество В. Угрюмова направлено на познание человеческих взаимоотношений и себя в этом мире...

В стихотворениях Владимира Угрюмова, прежде всего, обращает на себя внимание очень глубокая погруженность в свой внутренний мир, стремление идти сквозь сложности души, потрясённой сложностью мира».

Татьяну Николаеву представлять нет ни малейшей надобности — знаменитая новокузнецкая поэтесса в представленьях не нуждается. Восхищаюсь её стихами, преклоняюсь перед её истовым и искренним служением поэзии, слову, образу.

**В руки — балалайку бы,
в глотку — самогона бы,
да по кругу — с байкою,
лихо, не без гонору,
протрясти беду свою,
тайную, сердечную,
от немотства — душную,
от надежды — млечную...**

О поэзии Татьяны Николаевой сказано много восторженных и возвышенных слов, но, наверное, никто не сказал ярче и образнее, нежели классик сибирской поэзии Александр Ибрагимов — его высокие слова станут украшением моих «непутевых заметок» и той данью признательности, которую всей своей жизнью, всем своим творчеством заслужила Татьяна Николаева.

«Я впервые слышу стихи Татьяны в июле 1980-го, и в моём сознании проявляется образ струящейся влаги и нежно-омытых разноцветных камней.

Она сама была похожа на Ангела, и глаза её сияли неизбывно-небесной лазурью. Она ещё по-настоящему не писала. Она только-только прикасалась-гладила окатыши слов и, отважно лизнув запыленную гальку, всматривалась в потаенно-проступивший, ещё влажный смысл новознакомого слова... Так и ведут себя поэты, прогуливаясь по побережью орфографического словаря...

<...>

Не ищите в стихах Татьяны Николаевой драгоценных камней и кристаллов. Её поэзия — не кристаллична. Ветер-Ливень и Пламя — её стихия! Её поэзия дышит огромными лёгкими Земли.

Она встречает жизнь открыто-ранимой душой и лепечуще-ликующим словом. Она никогда не старалась быть поэтом, она просто присутствует среди нас как поэт — искренне и непоколебимо.

В её стихотворном почерке — крепость и сила. Ей подвластен распахнутый веер ритмов. Орнамент созвучий прост и точен. Опыт её воображения соответствует её способности стихосложения. Поэзия её цельна и полна чувства, она помогает вставить и поднимать голову.

В поэзии Татьяны есть дерзновение любить людей и Бога. Она поэт.

Она — Поэт».

Замечу, что всё, сказанное Александром Ибрагимовым, не меняя ни одного слова, ни одного знака, с полным правом можно отнести к поэзии Любви Никоновой, ещё одной замечательной, талантливейшей новокузнецкой поэтессы.

Барнаул

Барнаул — любимый мой сибирский город, город моего студенчества, друзей юности, город первых стихов, которые осмелился опубликовать, город моего дорогого и по сию пору горько оплакиваемого учителя Александра Родионова, город выдающихся русских поэтов Леонида Мерзликина и Владимира Башунова.

О барнаульской участнице проекта «ЛитерА» Фариде Габдрауповой со всей определенностью могу сказать вот что: она менада, вакханка, шаманка, экзальтированная и трагикомическая камлательница поэтических текстов-заклинаний. Её стихи — это публичная исповедь женской души, вопль о неразделённой любви. Есть что-то трикстерское и даже фариковское в такой поэзии. Но из песни слов не выкинешь:

**А впереди был ноябрь горький,
Голые ветки, большое горло,
Да! И день твоего рожденья
В хмуром обмороке октября!
С нами ободранный осенью город,
Ветер, трамвай, телефонный сговор, —
Да! И любовь слепым наважденьем,
Где я опять увижу тебя?**

Чтобы принять и полюбить стихи Фариды, её, безусловно, нужно видеть и слышать. Она человек-праздник, человек-плач, человек-вопль. И публика на её вечере в рамках проекта «ЛитерА, Советский 40» имела такую возможность. И не осталась равнодушной.

В заветное число 24-х сибирских авторов проекта «ЛитерА» войдёт также Наталья Николенкова. Книга только готовится к печати, но обойти молчанием имя Натальи Николенковой никак нельзя. Адрес сибирской поэзии на протяжении последних сорока лет находится также и в Барнауле — во многом благодаря именно ей. Наташа — поэт милостью Божией, она вольно и широко дышит воздухом Поэзии, она сама и есть живое воплощение Поэзии.

***Вот главное: не выпадай из ритма.
Вот главное: не выпускай из рук
Малютку-жизнь, как маленькую скрипку.
Любовь иль ничего — одно из двух.
Вот главное: отдаться, как течению,
Непостижимым волнам звуковым.
И пусть известно место назначения,
Путь — есть, и остаётся таковым.***

Жизненный и поэтический путь Натальи Николенковой тернист и труден, но она была и есть прекрасный поэт и светлый, как небо и окоём, человек. Аве, Наталья!

Лет этак семь-восемь назад редактор отдела поэзии журнала «Знамя» Ольга Ермолаева совершила «вояж» по городам Сибири. В результате «ознаменованы» оказались стихи барнаульца Дмитрия Мухачева. Помню эту подборку, потому как на меня она произвела ошеломительное впечатление. Новый Рыжий, подумал я. Перечитал ещё раз и поправил себя: новый барнаульский поэт Дмитрий Мухачев — поэт, показавший всей России, всем, кто живёт в столицах и провинциях, Барнаул со всеми его потрохами — рабочие окраины, хулиганы и отморозки, полубандитская, полудетская романтика, ну и так далее... А процитировать хочется более позднего, уже вошедшего в зрелые лета Мухачева:

***я придумаю радугу, радугу для тебя
утром повешу её над районом, полным рябин,
в котором гуляют мамы с колясками,
толпы бритых ребят
пусть от резкого света у них в глазах зарябит.
я придумаю радугу, я сконструирую сон,
где робкая и покорная будешь участвовать ты,
петь разномастные арии с новой весной в унисон,
прятаться в шифоньер от торжествующей темноты.
верёвка и мыло, игра не в своё лото.
я неуместен, как диснейленд на войне.
по телу в десятый раз идёт озверевший ток.
всё по моей вине, по моей вине, по моей вине.***

Кемерово

Теперь несколько слов и цитат про кемеровских и из кемеровских. Поэтов в Кемерове не то что пруд пруди, но есть они, да и куда им деться: Сергей Донбай, патриот и патриарх поэтического Кузбасса, Виктор Коврижных, прославивший доселе никому не ведомое село Старобачаты. Виктор Кальсин, Иосиф Куралов, Александр Ибрагимов — известны, признаны и любимы в Кузбассе, да и по всей России.

А теперь об одном из самых ярких и своеобразных кемеровских поэтов. Андрей Правда — он мне не чужой хотя бы потому, что самолично составлял его подборку для «Сибирских огней». Мне по душе ранний Правда, правда, и поздний Правда, прошу прощения за каламбур, не менее интересен. Наталья Ибрагимова не ошиблась, доверив представлять Кемерово в проекте «ЛитерА» именно ему.

**учащённое сердцебиение
спозаранку снова на ногах
заблудился в солнечном сплетении
предрассветный первобытный страх
в дебрях отыщу его сердечного
вынесу калеку на руках
пользуя микстурой аптечную
с присказкой молитвы на губах
может быть он всё-таки поднимется
и свою беду перерастёт
и под чьим-то вымышленным именем
поместится в книжный переплёт
а когда живым из переплёта
встанет он над бездной высоты
ужас станет радостью полёта
и восторгом сбывшейся мечты**

О лучшем, грандиознейшем, заслуживающем всероссийского признания поэте Сергее Самойленко, поэзия которого возросла и окрепла именно в Кемерове, говорить придётся в новосибирской главке, потому как двадцать с лишним лет Сергей уже живёт и работает в Новосибирске.

Новосибирск

Новосибирск — мультимодальный поэтический узел — логистический термин я полусерьёзно перефразировал, чтобы подчеркнуть мощные пути и потоки поэзии в Новосибирске. В статье «Литературное поле Новосибирска», опубликованной в № 1-2 журнала «После 12» за 2018 г., поэт и культуртрегер Антон Метельков назвал самые значимые имена новосибирских поэтов за последние двадцать лет — их более пятидесяти. Второй и даже третий ряд новосибирских стихотворцев мог бы легко перейти на первые места в любом другом сибирском городе. И это не пустая бравада, а существующая реальность. На протяжении последних десяти лет в Новосибирске происходит пассионарный поэтический взрыв.

«Согласно Льву Гумилеву, в некоторой точке планеты внезапно происходит пассионарный взрыв, появляется большое число пассионариев, формируется новый суперэтнос. Пассионарий — это энергичный человек, готовый на самопожертвование. Суперэтносом Гумилев называет некоторую общность людей, сформировавшуюся не обязательно по этническому признаку, например, христиан. Затем суперэтнос расширяется, захватывает новые территории у соседей, но постепенно пассионарная энергия теряется. Военных успехов становится меньше, зато появляются успехи на поприще искусства, культуры, науки. Пассионарная энергия продолжает убывать, наступает застой, и соседи откусывают кусочки некогда могучей державы. Ну а потом остаётся реликт, небольшая страна (если её никто не захватил), небольшой народ (если он не растворился среди других народов), у которого уже всё в прошлом. Весь цикл занимает несколько тысяч лет. А запускает этот цикл некий неизвестный космический фактор...»

Сия пространная цитата извлечена мной из блога некоего Николая Одинцова с тем умыслом, чтобы хоть как-то связно и наглядно проиллюстрировать феномен поэтического Новосибирска в XXI веке. Весьма странная, неполная и торопливо собранная антология «Остров», представляющая Новосибирск в поэзии за последние полвека, — отчаянная попытка преподать этот феномен читающей публике. Денисенко, Маковский, Овчинников, Зырянова и рядом с ними Пименов, Дроздович, Светлосанов, Пивоварова. Нет Самойленко, Сурнина, Веркутиса и Белопашенцева. Адольф Белопашенцев — один из самых невероятных поэтических мифов Новосибирска, реально от поэта осталось две строфы, но каких строфы!

**Если ходишь по мосту
Тёмными ночами,
Не кричи о помощи —
До тебя кричали.**

**Раз пошёл ты по мосту —
На всех не равняйся,
Не кричи о помощи —
Обороняйся.**

А теперь о новосибирцах участниках проекта «ЛитерА». Большой ковш — астеризм в созвездии Большая Медведица. Астеризм известен с древности у многих народов под разными названиями: Плуг, Лось, Повозка, Семь Мудрецов. Семь поэтов в «ЛитерА» — ну, не считая себя любимого и новокузнецанина, ныне новосибирца, Владимира Угрюмова.

Виталий Шатовкин и Сергей Шуба. На мой взгляд, это два магнитных полюса новой сибирской словесности. Метафорист Шатовкин, причудливо сочетающий архаику и эпос, трансформированный социум и надмирную высоту словоговорения:

**Молочница совьёт творог над занавеской с тыльной
стороны — ей нужно выдохнуть до завтрашнего
снега — а ты опять надломишь Рагнарёк,
приплясывая в комнатном халате**

милонгу среди

**выцветших картин — не замечая — как повсюду
душно — когда твои года — твои распятья,
ты голос свой оплавливай в хитин —
чтоб колокольчик слышался**

поддужный.

Сергей Шуба — поэт в рапидно-ускоренном процессе словообразования, остросовременный и, простите за расхожий термин, актуальный поэт:

**или не помню а дождь всё идёт и идёт
ладно бы имя но даже простой поворот
к дому любимым неточным вещам
сдачи не надо дальше я сам
имя не помню подумаешь кто их считал
вал не девятый а впрочем впиши карнавал
дым коридор изогнувшись трубою пролёт
лёг не идёт и будто бы время сечёт
да засекай рядом с домом сквер и канал
кто-то на дне его время считал и лежал
думал конечно что будет ходить по воде
а оказался не помнит как здесь**

Антон Метельков – три книги: «Футляр», «Псалом», «Ножички» – новая классика. Стихи для взрослых детей и античных неогероев. Что я могу сказать о стихах Метелькова, кроме того, что поэт ближе и соприроднее мне нет, да и не будет, наверное?

**рыба со дна реки
видит не рыбака
глубже, чем жесты руки
жесты ее плавника**

**рыба видит, как там
за мутноватым стеклом
скудно живется котам
ждушим чудес под столом**

**мысли рыбы легки
с мыслью — была-не была
рыба бежит из реки
в снежные выси стола**

**и раздарив свою плоть
с полуулыбкой немой
блюдо приняв за плот
рыба плывет домой**

И ещё поэт из Большого Ковша – Юлия Пивоварова. Мог бы много чего сказать о Пивоваровой: рядом с ней и её поэзией прошла и ныне проходит вся моя взрослая жизнь, но ограничусь одной формулой – магический реализм. Ну или, если хотите, реалистический магизм.

**Стоит отличная погода,
Стаканы радостно звенят.
Твой шурин вшился на полгода,
А лучший друг — вообще, на пять.
Они купили иномарки
И разъезжают по жаре.
Что делать вместе с ними в парке?
В кафе? В подъезде? Во дворе?
А лето в самом абсолюте.
И остаётся вспоминать:
Какие это были люди?
Как их приятно было знать!
Но час настанет,
Пусть не скоро,
И выпьем больше, чем за год.
Вот только бы дожить до срока,
Когда окончится их код.**

Екатерина Гилева, которая уже упоминалась здесь. Стихотворения её, насыщенные фактографией, всевозможными аллюзиями и отсылками, интеллектуальными парадоксами и интерактивной игрой с читателями, могут нравиться или не нравиться, но прочитав их единожды, становишься иным человеком, а точнее, несколько иным становится окружающий мир в ощущении и восприятии. Иначе чем «головокружением» назвать её стихи я не могу. Взлёт, невероятный охват времени и пространства.

**Поезд «Москва-Хабаровск». Муха в углу стекла.
Месяц лежит и едет — месяц как умерла.
Свет фонарей станционных ярок, как божий свет...
Муха лежит и едет, ей ни к чему билет.
И не волнует муху вечный, как мир, закон
Длительности остановок и санитарных зон,
И то, что всегда в одиннадцать гасят в вагоне свет,
Утром её не волнует очередь в туалет.
Муха лежит, качаясь, в мире до слёз большом —
Между стаканом чая и портящимся беляшом.
Муха нетленна едет — четыре рейса в пути,
От края до края света следом душа летит:
Берёзки, ёлки, домики, ковыли...
Рай — это путь до рая, жажда края земли,
Где, говорят, даётся каждому свой ответ,
Где океан варенья, а мухобоек нет.**

**...Сахаром белые звёзды августа падают в чай.
Муха лежит и едет в вечное “не скучай”.
Ёлки, берёзки, ёлки, окна вагона в пыли...
Ехать бы этой мухой вечно на край земли...**

Борис Гринберг — один из новосибирцев, которого без ложного пафоса можно называть знаменитым поэтом. И этой-то знаменитости можно запросто пожать руку, а в глазах библейского старца — увидеть дерзкий мальчишеский блеск. Портрет или автопортрет лирического героя Бориса Гринберга выглядит так:

**Человечек недалёкий, но близкий —
Мой лирический герой-современник,
Прозябающий в Хреновосибирске
Без зарплаты, иногда и без денег,
На правах, как говорится, на птичьих,
Что витанью в облаках не помеха...
Впрочем, чаще не орёл, так синичка,
Просто день прожить — добиться успеха.
Мой лирический герой, он — романтик,
Хоть бывает и циничен до боли,
Верит чёрному коту и ромашке,
А тоска накатит — верит и в Бога.
Мой лирический герой вне контекста,
Вне политики, религии, спорта,
Быть лирическим ему слишком тесно,
А героем так и вовсе — ссыкотно.
Мы во многом (не во всём) с ним похожи,
И я думаю, стихи начиная,
Вот сижу, пишу его, но возможно,
Это он сейчас меня сочиняет.**

И ещё одна звезда в созвездии Большого ковша Новосибирска — Сергей Самойленко. Сказать гений — ничего не сказать. Прочитую — и только.

**В ночь понедельника, в утро среды,
в дождь четверга, в снегопад воскресенья,
носится в воздухе запах беды,
отзвук звезды и возможность спасенья.**

**Что-то подмешано в небо страны
кроме фабричного горького чада —
то ли неявное чувство вины,
то ли глухая угроза распада.**

**Что-то заморожено в лёд января,
что-то добавлено в ливень июня
кроме озона и нашатыря,
кроме поющей струны гамаюна.**

**Кроме огульного гула турбин
над головами погостов и гульбищ,
чем-то отравлены реки равнин,
чем-то, чего из горсти не пригубишь.**

**Что-то привито к берёзам, чей сок
кажется горше лекарства иного —
то ли костра осторожный дымок,
то ли огонь воспалённого слова.**

**Что-то такое дыханье теснит
и обрывает натянутый голос —
то ли отеческий праведный стыд,
то ли сыновья кромешная гордость.**

**Что-то такое, о чём не кричат,
против чего бесполезен анализ, —
тот же фабричный отъявленный чад,
тот же отчаянный птичий акафист.**

Наконец, о себе любимом. У Сергея Шубы после «Римских поселений» осталось несколько тезисов:

«Когда маленький Славик вышел во двор, он вышел во двор не в Харькове. Но!
Когда в Сокуре торчат уши Пантагрюэля, я лезу в Википедию.

Когда нас примирить в Сибири с высокой культурой Возрождения, то появится маленький Славик, свободно ходящий между мирами.

Головокружение от времени такое, что идут охранять Умревинский острог.

<...>

Кому я вообще это всё пересказываю?

Да Новосибирску, наверное, чтоб он тоже помнил, что есть у него балкон имени Чехова в микрорайоне Щ. Что Обь есть многоэтажная, и есть под боком Сокур, где всё — как встарь, что есть школа, не избыть которую, что здесь, «на точке/на карте белой» Мясников, Волов, Маковский, Овчинников, Шипилов, Зырянова, Михайлов, Пивоварова, Денисенко и многие другие стоят среди Унгаретти, Монтеня, Утрилло, Хальса, Хини, Гагарина, Лермонтова, Пушкина и среди всего огромного непознаваемого мира. Стоят, как равные». И совсем свежее стихотворение, точнее, песенка.

**это снег упал
или я упал
об опалубку спотыкнулся...
катерок вчера по оби летал
а сегодня хоть бы кто
встрепенулся
обь темна-темна
и еще темна
ни фарватера тебе**

**и ни мели
не темни луна
выходи луна
надоели мне твои канители
по оби катя
скоростя крутя
катерок в туман окунулся
а твои глаза
продала слеза
об слезу то я и споткнулся
а в груди моей до того печёт
что куда пойти
я не знаю
у тебя вчера
я вошел в почёт
а теперь иду
слова подбираю
а вчера ты мне
да вчера ты мне
говорила да
в караоке
говорила мне
при большой луне
милый-милый мой
кареокий
мне куда теперь
по вагонам петь
или ждать тебя на закате
обь течет-течет
ты ответь-ответь
и пойдём гулять
на фарватер**

Школа Сибирской поэзии

Существует ли школа Сибирской поэзии? Не знаю. Были и есть в Сибири поэты-самородки. Геннадий Лысенко во Владивостоке (вся земля за Уралом — Сибирь), Анатолий Кобенков в Иркутске, ну и т. д. Может быть, Павел Васильев? Анатолий Маковский, Александр Денисенко, Аркадий Кутилов... Как объединить поэтов в единую школу? Вот два великих новосибирца. Иван Овчинников и Александр Денисенко. Иван Афанасьевич так пишет. А Александр этак пишет. Школы у них разные, небеса разные, судьбы разные, а русский язык — один на двоих. Вот и всё о школах.

Некоторые соображения по поводу и без повода

*

Поэт — наблюдательный пункт, затерянный в просторах вселенной, по меткому определению Поля Валери, а Поэзия — езда в незнаемое по ещё более меткому определению Владимира Маяковского. Наши местные поэты вполне себе затеряны в просторах огромной Сибири, а вот с ездой в незнаемое дело обстоит сложнее. Привычный, да что там — набивший оскомину круг тем и образов: постылый быт и навязчивые воспоминания о детстве как о потерянном рае, несчастливая любовь, вечное недовольство собой, страной, временем и т. д. Вдобавок обличительный пафос и мессианские потуги. Мой приятель Игорь Аристов в стародавние времена хвалил, к примеру, некоторые мои стишки, но чаще морщился и цедил сквозь зубы: темно и вяло, Слава. Интонация, образ, литературный инструментарий и зона актуального поиска — вот, наверное, некий секрет написания хорошего стихотворения. Ум, интуиция, воображение, темперамент — по умолчанию. О вдохновении вообще говорить не хочется, чаще всего вдохновение трактуется как некое божественное послание. Ежели честно, то писать под любую диктовку представляется мне сомнительным удовольствием. Впрочем, любой диктант подбает записывать без ошибок. А вдохновенного, косноязычного бреда, меж тем, вагон и маленькая тележка.

*

Пять лет назад судьба занесла в Хакасию, в город Абакан. Писательская хакасская организация праздновала, уж не помню скольколетний, юбилей. Среди разного рода и вида торжеств, проводилось выездное совещание Секретариата Союза писателей России с правом приёма молодых литераторов в члены Союза. Кстати, по итогам того совещания секретари единодушно приняли в ряды писателей России двух новосибирцев — Кристину Кармалиту и Дмитрия Рябова.

Но не об этом речь. В Абакане было полное ощущение провала во времени, годы этак в семидесятые. В магазинах — молоко и кефир в бутылках со станиолевыми крышечками и конусы для розлива соков, на улицах — советская символика и бочкообразные афишные тумбы, канализационные люки с серпами и молотами. Но и это не главное. Во дворце культуры (не вспомню название) — кумачовый лозунг над сценой типа: «Слава родной земле Хакасии и писателям — певцам души народной». Стенобитный стол президиума, здравицы Правительству Хакасии в общем и Министерству культуры в частности, ну и т. д., и т. п.

Но и это не главное. Автоматы с газированной водой и старые телефонные будки — забавные и даже трогательные до некоторой степени рудименты советской эпохи. А вот то, что стихи, написанные хакасскими, и не только, поэтами в XXI веке, ничуть не отличаются от советских из семидесятых-восьмидесятых, вот это вызвало жуткую оторопь нашей делегации — да возможно ли такое? Короче говоря — провал во времени, ещё одно несмыслимое пятно на челе сибирской поэзии. Бесконечные парафразы (на грани плагиата), докучное морализаторство, строгое разграничение на левое и, соответственно, правое (дело, конечно же), белое и чёрное, святое и грешное... Доколе?

*

Судьба и быт. Две основных составляющих нашей жизни. Быт вечен и неизбывен. В стихах нынешних, к великому сожалению, присутствует с навязчивостью уличного попрошайки не бытование, не бытие — именно быт, не имущий пощады и стыда. Поэт — всегда судьба — гомерически смешная, фарсовая, ратная и тюремная, нищенская и золотая, всегда

трагическая, ибо без страдания и сострадания поэзия невозможна. Пушкин, Байрон и Вийон, Лермонтов, Блок, Мандельштам и Бродский — все они трагики. «Не спрашивайте, Бога ради, о чём мои стихи, спрашивайте: что в них», — говорила Анна Ахматова.

Питерский поэт Василий Филиппов две трети своей жизни провёл в психиатрических больницах. Так судьба сложилась. Никогда сам не читал своих стихов — ждал, когда товарищи прочтут. А в товарищах были, к примеру, Глеб Горбовский и Елена Шварц. Один из лучших поэтов XX века Виктор Кривулин сказал о нём: «Принципиальная беззвучность поэтической речи Филиппова — следствие достигнутой им внутренней свободы. Свободы до такой степени, что нормальный человек просто не вынес бы её, ибо невозможно жить на грани самоуничтожения и предельного самовыражения. Я не знаю более чистых стихов в русской поэзии, более беззащитных и лишенных какой бы то ни было условности».

**Тихо, Господи, тихо
Так что хрустит на зубах повилика
Дико
В этом мире
Но я не один
Со мной моя комната
И книги
Толстые тома
Словно дома
Где скрывается тьма
Город где живые письма
Ходят по улицам часы
носят нательные кресты**

*

И последнее. Подумалось вдруг, как повезло нашим соседям. На Урале Марина Волкова не только «опекает» Виталия Кальпиди, но и окормляет и пестует всю «Уральскую поэтическую школу», издавая «кирпичи» авторских книг, антологий и монографий. В Кемерово Наталья Ибрагимова холит и лелеет кузбасскую молодежь. Кстати сказать, великая благодарность Наташе за её всесибирское стратегическое мышление, за умение выбивать президентские гранты, убедительно доказывая власть предрержащим актуальность поставленных ею издательских и просветительских задач.

P. S.

Прошу простить меня, грешного, ежели обидел кого ненароком или вовсе не упомянул. Осенний сезон проекта «ЛитерА, Советский 40» з не адрес сибирской поэзии» на момент написания сих заметок только-только начался. И пусть не на кумачовом транспаранте, но хотя бы на старой доброй крафт-бумаге всем нам ласкает взор лозунг: Слава сибирской поэзии! Сибирским поэтам Слава!